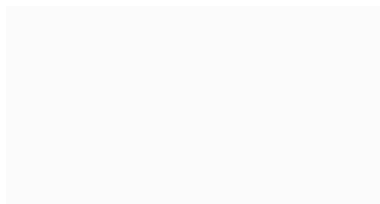

Часть первая.

Два друга

Achevé d'imprimer en France

ISBN 979-10-359-4396-7

Dépôt légal: 1e trimestre 2020

© Arutyunov Vagan

Глава 1. Прощай, детство

— Море... Что это? Что оно собой представляет?.. Понимаем ли мы, что это иной мир? Вот тут, рядом с нами, ласково гладит наши пятки, играя с нами словно с камешками, которые, перекатываясь, как бы смеются... Вечное зрелище, которым глаз не насыщается, оно словно любовь, словно живая душа. Бывает ласковым как мать, а может неистово разбушеваться, вздымаясь многотонными горами волн к небу, пуская пену, как бешеный пес. Кто тогда отважится назвать его «ла маре», как старик у Хемингуэя, помнишь?

— Ну, ты как всегда умничаешь. Скажи лучше — ты решил, куда будешь поступать? — спросил Исаак.

— Да как тебе сказа-а-ть... — протянул Джонатан.

Джонатан Бишоп и Исаак Мартин дружили с детства. Каждое лето они проводили вместе на побережье Флориды в маленьком уютном городке, где жили по соседству бабушка Джонатана и дедушка Исаака.

Исаак, веселый широкоплечий с добродушной улыбкой парень, был полной противоположностью художавому, меланхоличному циничному Джонатану. как по характеру, так и внешне. Но, вероятно, это и притягивало их друг к другу: ведь виноград без поддерживающей шпалеры не принесет сладкого плода. Так каждый находил в другом то, чего не доставало ему самому.

Между ребятами не было никакого соперничества, что, видимо, и обусловило их долгую добрую дружбу.

Счастлив тот, кто нашел в жизни настоящего друга. Исаак беспрекословно подчинялся сильному мужественному товарищу. А тот не давал ему спуска, привлекая к своим спортивным занятиям. Утренние пробежки, подтягивание на турнике, бокс сформировали прекрасную фигуру юноши и твердый бесстрашный взгляд. Джонатана же привлекала в Исааке его рассудительность.

Он помнил, как они встретились впервые. Тогда Исаак приехал погостить к своему деду, отставному майору полиции Самюэлю Мартину, который, выйдя в отставку после службы в полиции Нью-Йорка, купил себе дом рядом с Айрис Бишоп, бабушкой Джонатана. Она к тому времени была уже давно на пенсии и занималась тем, что редактировала книги молодых писателей. Последнее время работы, которой она делилась и с внуком, у нее было столько, что хватало и Джонатану на карманные расходы.

Ребята любили строить на берегу крепости из песка, а на следующее утро смотреть, что от них осталось. Вот и в это утро после пробежки и купания в прохладном море друзья сидели там, где еще вчера возвышались несокрушимые, казалось, бастионы. Море не оставило от них и следа... Хотя нет — от фортификационных сооружений Исаака осталось несколько бугорков. Джонатана это не огорчило: ведь он знал изначально, что дело

его рук обречено, и строил всё кое-как. И обнаружив на месте своей крепости гладкий песок, даже почувствовал некоторое облегчение.

— Так ты все-таки пойдешь по стопам своего деда и отца? — спросил Джонатан.

— Да, — простодушно улыбнулся Исаак. Он с детства знал, что станет полицейским, как будто был рожден для этого.

Летний отдых подходил к концу, и вопрос Джонатана был сродни его песочному замку: он не надеялся переубедить друга, а просто хотел лишний раз убедиться, что тот все еще на своем месте, как маленький ребенок в темноте спрашивает у мамы: «Ты здесь?» — «Здесь, сынок», — отвечает мать, и ребенок продолжает спокойно спать.

Джонатан всегда удивлялся твердости убеждений своего товарища. Его высказывания были точными, четкими, однозначными. Сам же он, напротив, всегда во всем сомневался и, если обнаруживал свою неправоту, даже радовался этому, как иной своей победе. Ведь победа обязывает тебя отстаивать ее, а поражение освобождает от бремени ответственности.

Они были словно Древняя Греция и Рим, Афины и Спарта, философия и сила. «Человек с медной душой» — так называл Джонатан своего друга, он вычитал это название у Платона. Бабушка не предъявляла к нему особых требований, лишь бы он исполнял основные три: хорошо питаться, своевременно ложиться

спать и прочитывать не менее пятидесяти страниц в день. В остальном он был волен делать что хочет. Она была довольна его дружбой с простодушным Исааком. А тому хватало информации, которой щедро делился с ним друг, поэтому самостоятельным чтением он себя особо не утруждал.

— Я еще не выбрал: поступать на исторический или на философски-и-й... — Исаак знал, что, когда Джонатан протягивает окончания слов, это означает его неуверенность.

— Ну, ты всегда можешь перевестись, пока будешь на первом курсе.

— Да, конечно, — согласился Джонатан.

— Ну, всё! — Исаак вскочил и дернул товарища за руку. — Хватит тут валяться, нам надо сегодня еще многое успеть.

Джонатан, заметно уставший после утренней тренировки, неохотно поднялся и последовал за Исааком...

Это утро накануне долгой разлуки на всю последующую жизнь останется в памяти ребят. Не раз впоследствии, много-много лет спустя, Джонатану, обдумывающему свой очередной выбор, будет не хватать решимости его друга. А пока они наперегонки бежали к дому Исаака, где его дед и бабушка Джонатана ждали их на прощальный обед.

Ребята со смехом вбежали в дом, наполненный аппетитными ароматами приготовленных старым Самюэлем блюд. Сам он встретил их стоя в парадном мун-

дире с наградами на груди. Рядом, ласково улыбаясь, стояла миссис Айрис. Они представляли собой гармоничную пару, отметили про себя оба внука.

— Отправляйтесь в душ и после... — Дедушка Самюэль не успел договорить: «...садитесь за стол», как мальчишки разбежались по своим комнатам. Оба дома давно уже стали общими для друзей, так что у каждого была своя спальня и там и там.

Старики переглянулись с грустной улыбкой: ясно было, что счастливые хлопоты о молодых сорванцах бесповоротно ушли в прошлое. Остается лишь надежда на то, что они будут приезжать на каникулы, а позднее, возможно, удастся повозиться с их детьми. Что может быть слаще для одиноких стариков! Всё это они прочитали в глазах друг друга. Да и сами они стали близки благодаря многолетней дружбе внуков.

Родители и Джонатана, и Исаака были тут редкими гостями. Еще достаточно молодые, имея собственные интересы и амбиции, они отдыхали от детей, когда те уезжали на море. А отношения между внуками и родителями их родителей всегда складываются наиболее гармонично. Возможно, человечество во многом выиграло бы, придерживаясь формулы: дети растут в общении со старшим поколением. Выиграли бы все три стороны: внуки больше тянулись бы к родителям, и их поучения были бы для них большей ценностью, родители не чувствовали бы себя оторванными от общественной жизни и продолжения карьеры, а старшее поколение, уже стре-

мещающееся к спокойной жизни и само излучающее спокойствие, мир и любовь, стало бы лучшим наставником малыша в этом мире не без удовольствия для себя: ведь нет большей радости, чем любить, когда к этому готов и материально и социально.

Но как бы там ни было каждый сам делает свой выбор. Джонатан, Исаак, мистер Самюэль и миссис Айрис сидели за столом на веранде. Приятный ветерок играл с салфетками на столе, обдавая собравшихся свежими запахами моря, травы и цветов, запахами уходящего навсегда детства. За столом шла общая оживленная беседа. Казалось, все хотели наговориться впрок. Взрослые не могли нарадоваться уму и красоте молодых парней.

Вдруг Джонатан замолчал и замер, будто увидев что-то вдали. Исаак попытался шутками вывести друга из этого состояния, но скоро понял, что с товарищем творится что-то неладное. Тут как будто и теплое летнее солнце потеряло силу, и возникший непонятно откуда холодный ветер обдал сидящих за столом так, что миссис Айрис, обхватив плечи ладонями, подумывала, не накинуть ли на плечи плед.

— Я вспомнил, какой мне приснился ночью странный сон, — встревоженно объяснил Джонатан.

— Сон? — переспросил мистер Самюэль. По выражению его лица было видно, что он не считает сон достаточной причиной для тревоги, однако он удержался от комментариев, потому что миссис Айрис была взволнована.

— Расскажи, расскажи, Джонатан, — умоляющим голосом обратилась бабушка к внуку, словно тот был маленьким мальчиком, которому в ладошку впиалась заноза, а он сжал от боли кулачок и не хочет его разжать: боится, что извлечение занозы вызовет не меньшую боль.

— Мне снилось, будто меня и Исаака застигла буря, когда мы плыли на яхте мистера Самюэля. Нас занесло в какое-то странное место: скалы, а на них отель удивительной формы. Я сейчас не могу вспомнить подробностей, но помню, что внутри он выглядел полузаброшенным. То есть там были и постояльцы, и мебель, и служащие, но в общем людей очень мало и ощущение ветхости... Помню, мы улеглись вечером спать, и в двери вдруг начали стучать, да так сильно, что мы перепугались, вскочили с кроватей и попытались соорудить из них баррикаду. Но дверь все равно не выдержала, в гостиницу ворвались волки, и нам пришлось отбиваться от них...

Наступила тишина. Первым прервал ее Исаак:

— Не зря я говорил тебе вчера, что не стоит так увлекаться перченными чипсами. Отсюда и твой сон.

Но его шутка не произвела желаемого эффекта. Миссис Айрис подошла к внуку и обняла за голову.

— Мой мальчик, все будет хорошо, это всего лишь сон.

Но ни у кого из сидящих за столом уже не было полной уверенности в том, что это всего лишь сон, даже

у бравого Самюэля Мартина появилось недоброе предчувствие.

Обед закончился почти без разговоров. Ребята вынесли на тротуар перед домом гору сумок, которую чудом поглотил багажник подъехавшего такси. Внуки обняли стариков и, хлопнув одновременно с двух сторон дверями, унеслись в будущее, оставив позади безвозвратно прошедшее детство. Исаак оглянулся разок, и ему показалось, что его дед обнял за плечи миссис Бишоп. Он улыбался, несясь навстречу новой взрослой жизни, Джонатан же оставался молчалив, словно не вернулся еще в реальный мир после ночного миража.

Глава 2. Айсберг

— Когда трещина прошла между льдиной и континентом, поначалу она была тонкой, почти незаметной, затем стала расширяться все больше и больше, достигая в некоторых местах нескольких сотен футов, так что ее стало видно даже из космоса. Лишь небольшой участок в несколько миль соединял ее с континентом. Тогда все забило тревогу, и вот внешнее течение оторвало ее от материка, старая связь, века, а может, и миллионы лет скреплявшая с ним ледник размером с Британию, не удержала его, и за считанные секунды гигантский айсберг оказался в море.

— Почему именно эта ассоциация, мистер Мартин, пришла вам в голову по поводу случившегося?

— Не знаю, может быть, м-м-м... Я видел это по телевизору, когда пил кофе в то утро. Наверно, это последнее, что врезалось в мою память, пока я...

— Пока вы — что?..

Исаак не ответил.

— Пока вы оставались нормальным человеком?

— Может быть... Не знаю...

— Но кто вам сказал, что вы перестали им быть?

— Нет, я не говорю, что... А может, я, как тот айсберг, который оторвался от своей прошлой жизни как совокупности целей, воспоминаний...

— Расскажите еще раз о событиях того дня.

— Я дежурил на пересечении Пятьдесят восьмой улицы и Восьмой авеню. Напарник отлучился выпить кофе. Смена шла к концу, никаких происшествий не случилось. Настроение было хорошим. Но тут запросил помощь другой патруль, неподалеку от Бродвея. Я, не дожидаясь напарника, выдвинулся туда, чтобы отсечь преступника от Центрального парка, там дети и много людей, понимаете? Дальше все происходило стремительно. Несколько нарядов с разных сторон прижали его к площади, я оказался как раз у него на пути и попытался остановить, но он оттолкнул меня, и я упал. Затем я несколько раз предупредил его, что буду стрелять, если он не остановится, но он не остановился. Я не знал, какое преступление он совершил, и выстрелил. Он упал. Потом я узнал, что это был мелкий карманник, укравший бумажник с парой долларов. Звали его Карл Слим. Понимаете, этот девятнадцатилетний парнишка по возрасту мог быть моим сыном.

— Но вы предупредили его?

— Да.

— Вы действовали по уставу?

— Да, конечно.

— Все обвинения с вас сняты?

— Да, да, я все знаю, но...

— Что тогда вас беспокоит? Он мог оказаться опасным преступником? Мог представлять угрозу для окружающих? Общество для того и содержит институт наси-

лия, чтобы ограждать законопослушных граждан от преступников.

— Да, конечно.

— Ведь если кто-то бросается под поезд, машиниста в этом не винят, так же как и локомотив не убирают с рельсов. Есть законы, и...

— Я всё понимаю и много раз это слышал, но парень все равно мертв.

— Демократическое общество создается по принципу добровольного свободного объединения личностей, действующих в интересах государства, и государство в свою очередь заботится о каждом своем гражданине и защищает его свободу и имущество от тех, кто посягает на общее благосостояние. Ведь посягательство на одного из граждан есть посягательство на всех. Для этого государство делегирует право на насилие специальным учреждениям, чтобы они ограждали его от нарушителей. Так что если и приходится в результате пострадать нарушителю, то вина на нем, а не на том, кто защитил общество от агрессии. В таких случаях закон становится стержнем, богом общества и посягательство на закон равносильно святотатству, ибо нарушающий один закон не уважает весь свод законов, иначе говоря, посягает на законность как таковую. Значит, на вас нет никакой вины, более того: общество благодарит вас за то, что вы его защитили.

— И все же я чувствую себя убийцей...

Исаак посмотрел на часы, встал и протянул руку психологу.

— Среда следующей недели, так же в шестнадцать часов, вас устроит? — пожимая ему руку, спросил психолог.

— Думаю, что вряд ли буду здесь. Я взял отпуск за свой счет, хочу уехать куда-нибудь из города, постараюсь со всем этим разобраться. Может, должно пройти какое-то время.

— Да, время лучший целитель, только не оставайтесь со своими мыслями наедине, хорошо?

— Хорошо, я дам вам знать, когда вернусь. Спасибо за помощь.

Выйдя из офиса психолога, Исаак медленно побрел по улице. Шум машин, голоса людей отвлекали его от переживаний. Он уселся на скамейку в парке. Рядом на аллее несколько малышей возились в песке, усеянном веточками после вчерашнего ливня. Они что-то чертили и смеялись. Исаак вспомнил, как они с Джонатаном когда-то строили песочные замки на берегу моря, вспомнил и о своем деде, сейчас его поддержка не помешала бы.

Жизнь разбросала друзей детства. Первое время они еще изредка общались, но последние лет пятнадцать потеряли друг друга из виду. Исаак так и не завел семьи. У него было несколько подруг, с которыми он пытался завязать серьезные отношения, но работа полицейского в большом городе полна риска. Ему

не хотелось, чтобы, случись с ним беда, его жена и дети остались одни. Со временем он оставил надежды на создание семьи и полностью отдался работе...

Ему вдруг с невероятной силой захотелось оказаться во Флориде, в том доме, где прошли детские годы, окунуться в тогдашнюю безмятежную атмосферу. Возможно, там он найдет ответы на все свои вопросы...

Он решительно встал и уже через несколько часов ожидал посадки в аэропорту Ньюарка.